

ляющих и обогащающих интерпретативное поле произведения»⁹. Как показывает наш материал, в газетном интервью «энергия» «чужого слова» используется в первую очередь как двигатель диалога. Она порождает отклик собеседника, позволяет развернуть смысл, введенный интертекстуальным включением. Однако никакого проникновения в текст-источник, тем более «столкновения миров», не наблюдается. «Чужое слово» в интервью — это как бы оружие ближнего боя, используется лежащий на поверхности смысл для организации ближайших реплик. Однако этого бывает достаточно, чтобы голоса собеседников дополнялись голосами широкого контекста, сопровождающего данный разговор.

---

¹ Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. С. 13.

² Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 312–313.

³ Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 418.

⁴ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. С. 306.

⁵ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999. С. 169.

⁶ См.: Смирнов И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. 2-е изд. СПб., 1995. С. 11.

⁷ См.: Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001. С. 158.

⁸ Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999. С. 117.

⁹ Там же. С. 123.

Статья поступила в редакцию 17.05.2007 г.

М. О. Уварова (Епанешникова)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СОБЫТИЯ В ПРЕССЕ

Определяя некое событие как чрезвычайное, мы подразумеваем, другими словами, событие нерутинное (традиционное словарное толкование этого понятия — «превосходящее обычную меру; не такое, как обычно; исключительное»¹). Однако в рамках дискурсивного анализа материалов печатных СМИ мы предполагаем, что каким бы чрезвычайным ни было описываемое событие, выстраивая посвященную ему публикацию, журналист ис-

---

УВАРОВА (ЕПАНЕШНИКОВА) Мария Олеговна — корреспондент газеты «Сургутская трибуна».

© Уварова (Епанешникова) М. О., 2007

пользует вполне определенную схему, некий устойчивый конструкт. Эта парадоксальная логика создания журналистского текста фиксируется следующим образом: объект должен быть из ряда вон выходящим, в то же время практика дискурса обязательно вписывает событие в некоторый смысловой ряд, описывает его в терминах соответствия типичной для СМИ смысловой структуре, системе миропонимания.

Дискурс определяется как «пространство текстопорождающих практик адресанта и адресата»² и в широком смысле слова представляет собой «сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов... необходимых для понимания текста, то есть дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения...»³. Если текстовый анализ направлен в первую очередь на внутренние (внутритекстовые) отношения высказываний между собой, взаимоотношения текстового целого и его частей, то «анализ дискурса дает характеристику внешних по отношению к тексту особенностей и функций коммуникативного процесса»⁴.

Изначально поиск событий для СМИ ведется в области нарушения закономерностей, отступлений от обыденного течения социальной жизни (по крайней мере, это предпочтительно для журналиста). За выбором на первый взгляд чрезвычайного, непредсказуемого события следует «момент исчерпания взрыва — поворотная точка процесса». Здесь просматривается аналогия с мыслями Ю. М. Лотмана о диалектике прерывного и непрерывного: он рассматривает постепенные и взрывные процессы как две стороны-антитезы единого процесса развития системы, и о восприятии этих процессов пишет так: «В сфере истории это (момент исчерпания взрыва. — М. У.) не только исходный момент будущего развития, но и место самопознания: включаются те механизмы истории, которые должны ей самой объяснить, что произошло. Дальнейшее развитие как бы возвращает нас уже в сознание, к исходной точке взрыва. Произошедшее получает новое бытие, отражаясь в представлениях наблюдателя. При этом происходит коренная трансформация события... Непредсказуемость заменяется в сознании наблюдателя закономерностью. С его точки зрения, выбор... “объективно”... был предопределен всем причинно-следственным движением предшествующих событий»⁵.

Статусом чрезвычайного события в практике СМИ маркируются на первый взгляд непрогнозируемые события, как правило, обернувшиеся массовой гибелью людей. Это события как «нерукотворного» происхождения — удары природных стихий, так и случившиеся по вине людей — войны, теракты, аварии на транспорте по причине «человеческого фактора» и пр. Все эти события, к примеру, включены в единый реестр «чрезвычайного», который публикуется в журналах «ОБЖ» (обзор «Хроника чрезвычайных происшествий» выходит раз в полугодие), «Туризм» (Высокий сезон. Хроника происшествий // Туризм. 2005. № 9) и др.

Конструирование чрезвычайного события в прессе мы рассмотрим на примере журналистских материалов, посвященных террористическим акциям, а именно: захвату заложников в Московском театральном центре на Дубровке в октябре 2002 г.; взрывам поездов в Испании в марте 2004 г. и в лондонском метро в июле 2005 г. и некоторым другим. Базой для исследования дискурса теракта на Дубровке послужили публикации в качественных и массовых газетных изданиях («Московский комсомолец», «Новая газета», «Литературная газета», «Известия»), в остальных случаях мы обращались только к качественной прессе, поскольку анализ событий в мире она представляет более полно (газеты «Известия», «Коммерсантъ», журнал «Эксперт»). Все анализировавшиеся публикации вышли в свет в течение двух месяцев после случившегося.

Следует отметить: сегодняшние реалии таковы, что сообщения о терактах из разряда сенсационных новостей преобразуются чуть ли не в рутинные по причине своей частотности. Исследователи практики СМИ отмечают: «Экстравагантный, не имеющий образцов поступок при повторении может перемещаться из области “взрыва” в сферу привычного, обыденного. В представлениях массовой аудитории это и происходит. Жизнь и смерть в медиапространстве лишаются тайны... Люди... видят только натурализм, обыденность жизни и обыденность смерти»⁶. В такой ситуации издания формально уже готовы к чрезвычайному событию — теракту. Любое упоминание, скажем, о взрыве, как правило, сопровождается гипотезой о возможной причине происшедшего. Ср.: *Скорее всего, речь идет о криминальном происшествии, а не о теракте* (В Китае взорвали торговый центр // Известия. 2005. 8 июля). Существуют рабочие рубрики «Теракт» и «Борьба с терроризмом» («Коммерсантъ»), «Теракты» («Известия»), «Война с террором» («Эксперт»), рядом с которыми часто располагается газетное место для срочного обзора состояния фондового рынка (Британский фунт хлебнул лиха. Как теракт ударил по рынкам // Коммерсантъ. 2005. 8 июля; Взрывы обрушили мировой рынок // Известия. 2005. 8 июля). Здесь же, обычно в формате врезки, бывает оформлена хронологически выстроенная информация о крупнейших терактах в новейшей истории, в мире вообще (когда, к примеру, речь идет об акциях «Аль-Каиды») или на конкретной территории (например, информация о терактах в столице Великобритании, организованных в основном Ирландской республиканской армией. — См.: Террор в Лондоне // Коммерсантъ. 2005. 8 июля). Некоторые издания считают нужным завершить публикацию о таком чрезвычайном событии, как теракт, конкретным прогнозом, по претензии на достоверность сравнимым с метеорологическим: *Шамиль Басаев, судя по информации Рамзана Кадырова и учитывая, что до Нового года остается еще три недели, уготовил нам еще один как минимум теракт с участием своих шахидок* (Мочить в зародыше или в сортире? // Эксперт. 2003. № 47). Впрочем, как мы увидим ниже, это

также вполне вписывается в дискурсивную практику конструирования события как чрезвычайного и одновременно ожидаемого.

Описание любого, в том числе чрезвычайного, события в журналистском дискурсе начинается с выбора его основного имени, т. е. базовой номинации (*теракт, захват заложников*), которая нередко появляется уже в заголовке, рубрике (см. примеры выше) или в лиде, что с первых слов позволяет маркировать событие как чрезвычайное. Вслед за этим набор имен-характеристик события обычно ширится. Показательны, к примеру, способы именования события: *захват заложников на Дубровке* в октябрьской прессе 2002 г. Многие авторы вписывают случившееся в контекст мировой войны, на что указывают следующее обозначения события:

Россия первой начала войну с международным терроризмом в Чечне... Это первая по-настоящему мировая война (Страна — заложница // Известия. 2002. 25 окт.); *Крупные теракты в Москве — эпизоды ранней стадии мировой войны* (Зачем они пришли в Москву // Лит. газ. 2002. 30 окт. — 5 нояб.); *Русская земля оказалась на переднем крае новой мировой войны* (Русский пост // Там же).

Другая интерпретация усматривает в Дубровке эпизод войны российского правительства против своих сограждан (Война против свобод // Нов. газ. 2002. 11–13 нояб.). «Литературная газета» видит в происходящем заговор против России: *Это была настоящая попытка государственного переворота* (Кому выгоден теракт // Там же. 6–12 нояб.); *Захват заложников в Москве... преследует стратегические цели. Это удар на добывание РФ* (Зачем они пришли в Москву // Там же. 30 окт. — 5 нояб.). Таким образом, видно, что «интерпретация события уже на уровне номинаций включает его в некоторый логический и хронологический ряд... то есть создает некоторый событийный порядок, отвергающий случайность»⁷.

От обозначения события с помощью выбора для него имени перейдем к другим особенностям практик описания чрезвычайного. «Объект только тогда может стать событием, когда описан как событие — ограничен временными и логическими рамками, которые придают ему самостождественность, цельность и законченность»⁸. Так, указания на предысторию и последствия события встраивают его в определенные логические и хронологические ряды. Допустим, освещая беспорядки в крупных городах Европы и Ближнего Востока, вызванные так называемой карикатурной войной, некоторые авторы цитируют аналитиков, ведущих отсчет предыстории события с эпохи Средневековья:

Появление карикатур — это не причина, а лишь повод для выражения... антизападного гнева, который накопился за последние годы внутри народных масс исламских стран... В мусульманских странах Ближнего Востока и Северной Африки на Европу смотрят через призму исторического конфликта, начавшегося еще во времена крестовых походов. Там помнят, что еще

полвека назад и Марокко, и Сирия, и Кувейт были европейскими колониями... Эти люди считают, что конфликт между Европой и мусульманским миром, начавшийся еще в VII веке в Испании, длится до сих пор (Восход Европы // Эксперт. 2006. № 6).

После мартовских терактов в Мадриде «Эксперт» объединяет эти события, а также вспышку насилия в Косово, панику в Европе и резкое обострение ситуации вокруг Израйля в качестве последствий войны в Ираке:

На этом фоне даже террористическая война в Ираке, ставшая уже перманентной... несколько отошла на второй план. Но именно война в Ираке является фундаментальной причиной нынешнего обострения ситуации в мире... Вторжение США в Ирак разрушило всю систему договоренностей и компромиссов, выработанных в течение 90-х годов Западом в отношении своей «восточной политики» (Напролом // Там же. 2004. № 12).

В целом надо сказать, что многие авторы ищут истоки происходящего в противостоянии цивилизаций: европейской (христианской) и азиатской (исламской). Понятно, что журналисты, предлагая данные оппозиции, если не примитивно, то по крайней мере схематично и строго биполярно обрисовывают читателю положение дел. Это лишний раз доказывает правоту У. Липмана, писавшего, что «они (журналистские тексты, новости. — М. У.) должны отвечать... упрощенному представлению о мире и... стереотипным образам отдельных его частей, которые имеются у главного покупателя новостей»⁹, т. е. у читателя — в нашем случае. Собственно, определяющим признаком бинарно-оппозиционных отношений и считается то, что в рамках этих пар «знак приобретает свое значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции... Отношения противоположностей... приобретают статус организующего центра, обеспечивающего упорядоченность и устойчивость структуры»¹⁰.

Проиллюстрируем также процесс конструирования события с помощью выявления причинно-следственных связей его с другими событиями. Это возможно проследить на основе главных версий ответов на вопрос, кто был организатором терактов в Мадриде и Лондоне. Версия первая — силами местных экстремистов группировка «Аль-Каида» мстит правительствам стран антииракской коалиции, устраивая теракты в Европе. «Эксперт» пишет, что после того как в Афганистане были разгромлены основные базы «Аль-Каиды», она из централизованной террористической организации превратилась в *глобальное ведомство по выдаче лицензий на теракты местным операторам*. В пользу этой версии утверждается, что *по точности сценария, времени, места, расчета психологического воздействия мадридский теракт не уступает атаке на всемирный торговый центр... Испанское следствие считает достоверной видеозапись, на которой некий Абу-Духан аль-Афгани, именующий себя военным представителем «Аль-Каиды» в Европе, берет на себя ответственность за совершение этих терактов — «в от-*

вет на ваше сотрудничество с Бушем и его союзниками». Таким образом, мадридские теракты объявлены возмездием за Ирак (Отделение имени от тела // Эксперт. 2004. № 11). «Известия» также считают, что Великобритания, США и Испания заплатились за одно и пишут по поводу взрывов в лондонском метро: *Ответственность за теракты взяла на себя «Аль-Каида»... «Это месть сионистскому и крестоносческому правительству Великобритании и ответ за кровопролитие в Ираке и Афганистане», — говорится в послании исламистов... Это сообщение развеяло последние сомнения — Великобритания заплатилась за то же, за что в свое время США и Испания. Это плата Великобритании за попытку играть одну из первых скрипок в мире — за это взорвали башни-близнецы в Нью-Йорке. И за активную поддержку военной кампании в Ираке — за это же взорвали поезда в Мадриде (07/07/05. Лондон // Известия. 2005. 7 июля).*

Вторая версия — теракты в Европе организовали молодые британцы-мусульмане по заказу «Аль-Каиды». Но эти акции не столько представляли возмездие «за Ирак», сколько являлись радикальным протестом против неустроенности жизни бедной городской мусульманской молодежи. Кстати, здесь при выстраивании логических связей одного события с другим также проводится аналогия с событиями 11 сентября в США, но в данном случае подчеркиваются отношения различия, тогда как в первой версии главенствовали отношения подобия. *Американский рецепт борьбы с терроризмом — делать это за пределами своей страны — для Европы не годится. Ее атакуют собственные граждане из мусульманских кварталов, а потому европейским странам... предстоит долгая борьба с причинами террора у себя дома... Если после сентября 2001 года американцев беспокоил вопрос «почему они нас ненавидят?», то после июля 2005-го жителей Британии мучает вопрос «почему молодые британцы готовы убивать своих соседей?» — пишет «Эксперт». По его версии, к социальной маргинализации мусульманской молодежи в Европе ведут много факторов: Это и социальная неустроенность, и вопрос культурной идентичности, высокая безработица (Отступать некуда // Эксперт. 2005. № 28).* Таким образом, попытка определить источник и причину террористической угрозы в Европе в журналистском дискурсе не сводится к единому мнению. При том что «Аль-Каида» в обеих версиях оказывается замешанной в организации терактов, причины случившегося называются разные: в одном случае теракты предстают как месть «Аль-Каиды» за вторжение войск коалиции в Ирак, в другом — как выражение недовольства внутренней политикой государства со стороны исламской молодежи, проживающей в Европе.

Подача персонажей в публикациях о терактах также происходит по специфическим правилам дискурса. Что касается процесса именования персонажей, то лингвисты отмечают: «...Выразительность номинации может достигаться использованием слов, имеющих в лексическом значении оценоч-

ный компонент, благодаря употреблению их в социально определенном контексте»¹¹. Лексика с подчеркнутым социально-оценочным значением, достаточно экспрессивно характеризующая героев, используется авторами преимущественно в отношении социальных типов — анонимных, обобщенных персонажей, к которым можно отнести и террористов. В качестве примера рассмотрим журналистские материалы, посвященные захвату заложников на Дубровке. В них террористов, помимо номинаций с нейтральным общеязыковым значением *чеченцы* («народ Северного Кавказа, составляющий основное население Чечни»¹²), *кавказцы* («уроженцы, жители Кавказа»¹³), авторы наделяют именами, которые дают возможность с первых строк ввести персонажей в оценочный план текста: *Все достижения вдруг становятся бессмысленными перед негодьями, вооруженными автоматами Калашникова и минами* (От центра Торгового до Театрального // Рос. газ. 2002. 30 окт.); *У чеченцев, у этих бацилл, остро развиты родственные чувства* (Эпидемия террора // Моск. комсомолец. 2002. 1 нояб.); *Нельзя дать этим гадам почувствовать, что они властны что-нибудь изменить в великом обществе* (Эфир по сценарию бандитов // Рос. газ. 2002. 25 окт.) и т. д. Необходимо привести словарное толкование используемых выше номинаций: *негодяй* — «безнравственный, подлый, низкий человек»¹⁴; *бацилла* — «перен. То, что вызывает, порождает какие-либо отрицательные явления»¹⁵; *гад* — «разг.-сниж. Человек, совершивший что-л. отвратительное».

Террористы предстают как некий неиндивидуализированный социальный типаж в публикациях тех изданий, которые видят в них грозную, однозначно злую силу — представителей международного терроризма или чеченских исламистов-боевиков. Зачастую поведение террористов не рассматривается подробно — для них просто выбираются номинации с негативной окраской. Известный порядок описания событий и, конкретно, персонажей в этом случае дает исследователям основание называть дискурс о терактах «мифологическим сказанием», сопровождаемым «просвещенной мыслью, приправляющей его толкованиями и комментариями, призванными выявить моральный урок: наказание за святотатственное преступление (терроризм), осуждение виновных (фанатики-исламисты), восстановление поколебленного Порядка и единение человечества на основе его ценностей. Как и положено в мифологии, толкования и комментарии могут расходиться... но важно то, что люди без всяких возражений верят сказанию, не обращая внимания на противоречия и несоответствия различных версий»¹⁶. От введенного в текст обобщенного социального типажа «террористы» дистанцируются, определяя его как члена чуждой, «другой» группы и выстраивая соответствующие оппозиции, например, *люди/террористы (=нелюди)*: *Мир после 11 сентября четко поделился на террористов и прочее человечество* (Доктор Но против... // Известия. 2002. 2 нояб.); *Люди победили*

нелюдей (Одна страна. Один народ // Там же. 29 окт.); **Цивилизация междонародных террористов... может только убивать и запугивать цивилизацию людей** (Страна — заложница // Там же. 25 окт.).

В этой связи любопытно проследить описание поведения чеченцев в материалах тех изданий, для которых действия террористов — акт индивидуального поведения, а сами террористы — герои противоречивые, далеко не тождественные абстрактному мировому злу, причем в конструируемой ситуации агрессии террористам иногда отводится роль жертвы. В частности, «Новая газета» пишет о женщинах-камикадзе, участвовавших в теракте на Дубровке: *Но они ведь тоже заложники своего горя, своих идей, своих ошибок. И наших. И у них тоже есть дети. Или были. Или могли быть... Черные женщины не родились волчицами, они ими стали* (Бессонница // Нов. газ. 2002. 4–10 нояб.). Или: *Людам в Чечне уже больше нечего терять: страна в руинах, дома ограблены и разорены, мужья убиты... старики потеряли детей, мужья — жен, жены — все... У них глаза — мертвые. Так бывает, когда жить никакого смысла не осталось* (Свободу потеряли, безопасность не обрели // Там же. 2002. 28–30 окт.).

В числе персонажей материалов о терактах оказываются не только прямые участники события — террористы, спасатели, жертвы, но и герои, к происходящему относящиеся опосредованно, к примеру, политики. Именно к описанию действий политиков прежде всего относится замечание о том, что «для журналистского дискурса вообще характерна тенденция описывать события в терминах взаимодействия отдельных персон»¹⁷. Так, «Литературная газета», называя интеллектуальными авторами нынешних терактов **Сахарова** и **Горбачева**, дает понять, что такие процессы, как развал СССР и (как следствие) череда терактов в России, могут быть списаны на действия конкретных людей (Зачем они пришли в Москву // Лит. газ. 2002. 30 окт.–5 нояб.). Ср. также: *То, что происходит сегодня в Европе и на Ближнем Востоке, является ничем иным, как наглядным подтверждением долгосрочных стратегических расчетов Саддама Хусейна, исходя из которых он в 1990 году напал на Кувейт* (Напролом // Эксперт. 2004. № 12); *Десятого марта Усаме бен Ладену исполнилось 47 лет. Вряд ли он смог торжественно отпраздновать свой день рождения в своей пещере в горах Афганистана... но на следующее утро от его имени были взорваны поезда в Мадриде, что привело к смене правительства Испании и расколу в глобальной антитеррористической коалиции* (Отделение имени от тела // Там же. № 11); *Без ликвидированного этой зимой Масхадова многие громкие теракты теряют смысл* (Безопасность: год после Беслана // Там же. 2005. № 32).

В представлении ситуации агрессии и преодоления злодеяния, которая конструируется в описании терактов, логично присутствуют и индивидуализированные персонажи, соотнесенные с конкретными биографическими личностями. Здесь как способ описания персонажа важна

его нарративная роль. Для примера можно привести публикацию в «Известиях», в которой роль героя-спасителя отводится жителю Лондона, случайному прохожему — он спас девушку, пострадавшую от взрыва («Я был очень похож на спасателя» // Известия. 2005. 14 июля). Герой публикации, 28-летний менеджер Пол Дадж, рассказывает, как по дороге на работу он оказался в районе взрывов и заметил девушку с сильно обгоревшим лицом: *Я знал, как помочь ей. Ведь я два с половиной года работал пожарным и часто оказывал первую помощь людям, получившим ожоги. Честно говоря, работу я сменил, так как зарплата меня не устраивала.* Газета пишет, что если бы герой не пришел на помощь пострадавшей, то сильные увечья на ее лице остались бы на всю жизнь. Поэтому благодарные родственники девушки говорят, что Дадж — «фантастический парень». Пол Дадж, как сообщает газета, помог еще шестерым раненым лондонцам. Как видим, роль персонажа в этой ситуации вполне узнаваема: история литературы и СМИ помнит немало текстов, где героем-спасителем оказывается обыватель, «простой парень».

Также приведем в пример небольшое биографическое повествование, в рамках которого излагается жизнь известного, недавно убитого боевика. Заметка озаглавлена в традициях некролога: «Расул Макашарипов террором “хотел построить справедливое общество”» (Там же. 2005. 8 июля). Открывается текст датой рождения героя, а далее отмечается, что *окружающие характеризовали Расула как энергичного, смышленного подростка. Как и другие сельчане, он наряду с учебой занимался сельскохозяйственным трудом, помогал родителям по хозяйству.* Упоминается и отец Макашарипова — *его очень уважали в родном селении... считали надежным человеком, на слово которого можно положиться.* Это традиционная дискурсивная практика, с помощью которой конструируются концепт «своего», оппозиция «свое — чужое». «Семантика “чужого”» обычно вводится на фоне противопоставления “своему”, при этом со смыслом “свой” чаще всего сопрягается положительная оценочность, а негативно-оценочные, интолерантные высказывания относятся к тому, что воспринимается как “чужое”¹⁸. В данном случае разрыв со «своим» происходит, когда взгляды героя расходятся с воззрениями отца: *Макашарипов увлекся идеями религиозного экстремизма... Эти взгляды жестко осуждал его отец, Магомед-хабиб. Известно, что в 1997 году они серьезно поссорились. С тех пор сын пустился в «автономное плавание».* Нарративная роль, отводимая этому герою, на символическом уровне — отступник-Люцифер, блудный сын и т. д. Так мы видим, что жизнеописание участников чрезвычайных событий в журналистском дискурсе выстраивается по классической нарративной схеме.

Таким образом, в целом описание чрезвычайного события в журналистском дискурсе выстраивается по определенным правилам. Действительно, одному и тому же событию разные авторы нередко придают разный смысл

и трактуют его в зависимости от собственных представлений о реальности (выражается это в том, что возникают различные именования события, предлагаются разные предыстории и причины), равно как и поведение героев интерпретируется по-разному. Но тем не менее логика выстраивания события остается единой, существуют типичные способы рассказать о трагедии, выражающиеся в построении логических и хронологических рядов, в выделении оппозиций, в использовании классических схем нарратива.

¹ *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 992.

² *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000. С. 3.

³ *Усманова А. Р.* Дискурсия, дискурс // Постмодернизм: Энцикл. Минск, 2001. С. 240.

⁴ *Чернявская В. Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. СПб., 2001. С. 15.

⁵ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Семиосфера. СПб., 2000. С. 23.

⁶ *Шайхитдинова С. К.* Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения. Казань, 2004. С. 188.

⁷ *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс. С. 116.

⁸ Там же. С. 121.

⁹ Цит. по: *Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д.* Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. С. 37.

¹⁰ *Мельникова Л. Л.* Бинарная оппозиция // Постмодернизм: Энцикл. С. 81.

¹¹ *Майданова Л. М., Муравьева Н. В., Сметанина С. И.* Целостность и связность газетного текста. Свердловск, 1984. С. 55.

¹² *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Т. 2. С. 985.

¹³ Там же. С. 628.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 988.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ *Сталь Ж. де.* Почему сегодня уместно быть неуместным? // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов. М., 2003. С. 143–144.

¹⁷ *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс. С. 135.

¹⁸ *Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики формирования оппозиции «свой — чужой» в районной прессе // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 291.

Статья поступила в редакцию 07.05.2006 г.